

Был у нас в деревне один человек, знали его все, одни откровенно недолюбливали, другие восхищались. Звали его Василий Савельич, тогда ему было около семидесяти. Седой старичок с добродушными глазами и длинной белой бородой. Иногда он говорил, что с ней ему неудобно, а на вопрос, почему не подстрижёт, отвечал: «Детям нравится, я у них в роли волшебника». В доброте его сердца ни у кого не было сомнений, но вот с внешностью ему не повезло. На лице остался сильный ожог, полученный в юности на службе, он тогда работал пожарником. Я раньше сам его боялся, но он никогда не обижался, когда видел мои полные ужаса глаза, вместо этого улыбался, и сразу на душе становилось легче.

Жил он небогато, в старом, потрёпанном времени домике, один, без жены, без детей. Избушка его стоит на окраине, набок наклонённая, но вокруг всегда растёт множество цветов и деревьев. У него прекрасный сад с бесчисленным количеством фруктов, ни у кого больше такого в деревне не было. Я сам часто заходил к нему, он от всей души угощал фруктами и овощами. За это бескорыстие и искреннюю доброту его любили все дети.

Василий Савельич ещё известен тем, что каждую неделю по воскресеньям ходил с мешком в руках и очищал улицы от мусора. Молча, бесplatно и с улыбкой, никогда не просил помощи, никогда не слушал насмешек. На вопрос, зачем он это делает, отвечал: «Я сын своей матери, но также я сын природы, и я ей многим обязан. За всё, что она для нас делает, мы только загрязняем и убиваем её, я так не хочу. Пусть от меня одного помощь небольшая, но она есть. И до смерти я буду делать то, что делаю!» Говорил он серьёзно и с достоинством, вызывая во мне невольное восхищение и подражание. Я стал ходить с ним вместе собирать мусор, и со временем к нам подключились другие дети. Это было не назвать работой, совсем наоборот, Василий Савельич делал это весёлым времяпровождением, рассказывал о своей молодости и почему следует заботиться о природе. Я слушал его внимательно и сейчас серьёзно отношусь ко всему окружающему миру.

Мне помнится, как я впервые задал ему вопрос, мне тогда было около шести, и я был не слишком сообразительный. Я спросил его: «Ведь

человек — царь природы, почему он должен ей?» Василий Савельич сел на корточки и внимательно посмотрел мне в глаза, пристально и сурово, затем мягким тоном, но с твёрдостью в голосе стал разъяснять: «Человек — не царь природы, если и царь, то только бесчувственный тиран, делающий всё для себя и не заботящийся больше ни о ком. Представь, что было бы с миром, если бы исчезли все животные и растения. Нечем было бы восхищаться и любоваться. Голая земля, серое небо и грязный воздух — представляешь? Хотел бы ты жить в таком мире? Конечно, нет. Все мы привыкли любоваться закатом, вдыхать аромат цветов, вкушать плоды деревьев, мы получаем это бесплатно. Природа щедра. Но всё в этом мире требует помощи и заботы, а за свою доброту она получила грязь, мы просто плюнули ей в душу. Вырубая деревья, убиваем животных ради развлечения, опустошаем ресурсы, а теперь ещё и сбрасываем химикаты в реки. Посмотри вон туда, на рощу: видишь, листья с каждым годом становятся всё тусклей, кора обваливается, а трава желтеет раньше срока? Это природа заболевает, она кричит о помощи, но не многие могут её услышать, некоторые откровенно не замечают. Но это происходит, и с каждым разом это видно всё больше. Я её сын и я буду до смерти ей обязан. Пусть я не могу остановить этот мир и я ничего в нём не значу, но я могу остановить себя, я сам буду всеми силами оттягивать её смерть. Буду стараться, прогресс идёт вперёд, а природа остаётся на месте, и пусть я буду единственным человеком, которому не всё равно, что вокруг происходит. Но я им буду!» Тогда он говорил со мной как с взрослым, серьёзно и без капли смеха. Я после этого много думал, перестал мусорить и ещё больше втянулся в работу.

Некоторым родителям не нравился Василий Савельич: заставляет детей работать, навязывает им свои взгляды. Они убеждали детей, что он просто сумасшедший старик, и каждый раз, когда чьи-нибудь мать или отец на него кричали, он слушал молча, только кивал и со всем соглашался. Их слова для него ничего не значат. «Взрослые любят себя и детей, их уже не изменить. И знаешь, что самое страшное? Что они это прививают детям с детства. Безразличие ко всему, повторяя: деньги, деньги, деньги...» — так он говорил. Поэтому

и не обижался на них. Но когда ему это говорил ребёнок, на него было жалко смотреть: он так же слушал молча, а потом шёл к себе домой, беззвучно плача, только слёзы текли по его обожжённой коже. Мнение взрослых для него ничего не значило, но слова детей ранят его похлеще хорошо наточенного ножа, прямо в сердце.

Становясь взрослее, я стал всё чаще к нему заходить, он многому меня научил: распознавать лекарственные растения, ухаживать за цветами, собирать грибы. Он стал брать меня с собой в походы в лес, на речку, на рыбалку, и, возвращаясь, я с замиранием сердца ждал нового. Я любил его как родного дедушку. Прошло пять лет, мне исполнилось двенадцать, и однажды Василий Савельич сам зашёл ко мне домой. Я заметил, что он выглядит намного хуже, чем обычно, словно постарел сразу за раз. Под глазами были синяки, а морщинки стали видны отчётливее, губы сухие и потрескавшиеся. Он смотрел на меня устало, но с любовью. Громко и протяжно вздохнул и сказал: — Здравствуй, внучок. Извини, что без приглашения, разговор есть.

Я поздоровался и пригласил его войти. Мы прошли на кухню и сели за стол. Я налил ему чай. — Я вот что хотел сказать. Чувствую я, что скоро смерть моя придёт, и поэтому хочу тебя попросить ещё один, последний, раз сопроводить меня в поход. Хочу в последний раз посмотреть на этот мир.

Я смотрел на него ошарашенными глазами и стал протестовать, говоря, что он ещё не слишком старый. Но Василий Савельич сделал жест рукой, велел мне замолчать.

— Я знаю, о чём говорю. Так как, ты согласен, завтра в шесть утра?

Я кивнул. В голове ещё крутились мысли о его словах насчёт смерти, и из груди невольно вырывались слова протеста, но я, плотно сомкнув губы, держал рот закрытым. Василий Савельич был таким человеком: если что-то решил, то отвечать бессмысленно. Мы допили чай, и он ушёл.

Я долго не мог заснуть в тот день. Лежал на кровати, держа руки за головой, уставившись в потолок. Я не мог понять: с чего это он решил умирать? Почему он так в этом уверен? В голове крутились воспоминания о каждом нашем походе, которые приносили в сердце радость. Я невольно улыбался. Он стал моим учителем и наставником, я всегда ходил к нему за советом; пусть это был очередной пустяк, он поддерживал и советовал как поступать. Он был не только моим советчиком, но и моим лучшим другом. Ни с кем из своих друзей я не был столь откровенен, как с ним. И от одной мысли, что он может умереть, становилось не по себе, после его слов внутри поселилось неприятное чувство, будто ты ждёшь чего-то плохого и уже представляешь, как это случится, вода ножом по сердцу.

Мы вышли ровно в шесть часов. На нём были простые спортивные штаны, потёртые на коленках от постоянного ношения, и лёгкая футболка. На спине он нёс свой большой походный рюкзак с провизией и питьевой водой, плюс другие предметы по мелочи. Рюкзак был цвета хаки, со сломанными собачками и одним порванным насквозь карманом, который был неумело заштопан. Василий Савельич поздоровался, выражение его лица было несколько задумчиво-грустное, хотя при виде меня он постарался искренне улыбнуться — получилось слабо и натянуто. Я на расстоянии почувствовал, что что-то не так и что что-то лежит у него на душе, чем он хочет поделиться, но не может.

Мы пошли по узкой тропинке через лес к озеру. Василий Савельич выглядел задумчиво и не спешил начинать разговор, а я не знал, с чего начать. В ту минуту мне казалось, что между нами образовалась бездна, словно он отгородился от меня стеной, я всё никак не мог найти дверь или мост.

Мы вышли в лес. Василий Савельич с улыбкой оглядывал любимые берёзки, подходил к ним и нежно гладил по стволу. Я невольно улыбался, но подмечал, что временами в его взгляде проскальзывала грусть. Мы пошли дальше по лесу, и тогда он зажёг со мной необычный разговор.

— Ты слышишь? — спросил он, резко остановившись и взглянув мне прямо в глаза.

Я вопросительно на него посмотрел, и он продолжил:

— Слышишь голос леса?

Я прислушался, но ничего не услышал.

— Слышишь, как шелестят листья, словно музыка? Всё гармонично и благозвучно, всё едино. Один ритм, который поддерживают все. Будто хор чистейших голосов. А птицы? Здесь их немного, но каждая участвует в пении. Вот, посмотри туда — дятел: слышишь, как он стучит, словно является барабанщиком, дополняет и обогащает всю мелодию? А слышишь, как трава колышется под дуновением ветра? Или вон та старая сгнившая коряга, издающая звук, похожий на флейту? Разве ты этого не замечаешь?

Я огляделся вокруг. Если честно, то я не особо различал звуки: может, потому, что у меня нет слуха? Или я не умею слушать? Я изо всех сил пытался напрячь слух, чтобы понять, о чём говорит Василий Савельич, но не мог. Всё казалось обыденным, не созвучным, я не слышал той симфонии, о которой он говорил. Все эмоции отразились у меня на лице, и я даже невольно опустил глаза, чтобы не встречаться с ним взглядом.

— Ничего, что ты не слышишь, — ободряюще произнёс Василий Савельич, садясь на корточки, чтобы смотреть мне в глаза. — Услышишь ещё. Лес ни на минуту не замолкает.

Мы пошли дальше. Я старался прислушиваться и стал кое-какие звуки даже различать. Понял

ритм дятла, стал подмечать ускорение и замедление, особенный такт и, наоборот, хаотичный стук. Улышал пение сверчка, такое громкое, что я невольно вздрогнул, а Василий Савельич широко улыбнулся. Мы шли около часа по узкой тропинке. Я то и дело спотыкался о выступающие корни, а когда смотрел под ноги, получал веткой по голове, слыша смех моего учителя.

Лес постепенно становился всё реже, пока мы не оставили последнюю берёзку и не пошли по полю ржи. Золотые, подобно солнцу, колоски наклонялись из-за ветра. Это невероятная картина, которую не сможет описать даже самый талантливый художник. Невозможно передать ту композицию красок ни пером, ни кистью. Солнечные лучи ласкали поле, даря каждому колоску часть своего света, отчего он светился ещё ярче. Это богатство природы не сравнить ни с чем, ни одно золото не обладает столь насыщенный цветом. Я невольно раскрыл рот от восхищения. Никогда не устану любоваться очередным чудом природы. Человеку никогда не повторить это, как бы он ни старался. Я взглянул на Василия Савельича, тот широко улыбался, его лицо светилось при свете солнца, но ещё от него исходил внутренний свет. Его лицо олицетворяло искреннее восхищение; хотя он был здесь не меньше ста раз, выглядел каждый раз одинаково, будто впервые.

— Ты видишь?— снова спросил он, поворачивая голову.

— Да, здесь потрясающе,— прошептал я.

— Не только. Ты видишь танец поля? Все под беззвучную музыку наклоняются и снова выпрямляются. Это единство и лёгкость. По-настоящему воздушный танец. Если бы мы могли видеть ветер, мы бы заметили, что он танцует вместе с колосками.

Я улыбнулся. Конечно, особого танца я не заметил, но Василий Савельич говорил это с таким воодушевлением, что невольно хотелось поверить. Мы пошли дальше, я вертел головой из стороны в сторону так, что заболела шея, не желая ничего упускать, искал новые чудеса и незримые загадки. — Вот мерзавцы,— сказал Василий Савельич, оставившись.

На дороге лежала пустая бутылка. Она была приплюснута в середине— похоже, на неё специально наступили. Василий Савельич помогал головой и, крихтя, наклонился и поднял её. Затем убрал в рюкзак.

— Ничего святого для них нет! Только мусорить и горазды,— шептал он, продолжая идти.

Я стал подмечать, что каждый шаг даётся ему с трудом, он тяжелее дышал и тихо присвистывал. На моё предложение отдохнуть ответил отказом.

По полю мы шли около двух часов. С каждым пройденным метром у Василия Савельича

появлялась отдышка, и дышать он стал намного тяжелее. Я волновался, но знал: если предложу вернуться, он может обидеться.

Дальше мы прошли небольшой орошу, а за ней оказалось озеро. Идеальный круг с чуть зеленоватой, но прозрачной водой. Водная гладь была беспокойна, и время от времени по ней пробегала рябь. Будто ветер ласково водил по ней пальцем. Как сквозь хрусталь, было видно дно, покрытое высокими водорослями и кое-где тёмно-коричневым песком. Мы подошли к воде. Берег представлял собой небольшую площадку короткой травы, которая заканчивалась резким обрывом, около метра в высоту. Я аккуратно подошёл к краю. Василий Савельич с глухим стоном снял рюкзак и сел на траву, тяжело дыша. Его резкие громкие вздохи ещё больше заставили меня волноваться, и я вернулся, сев рядом.

— Вот мы и пришли. Какая красота! Жаль, что вижу это в последний раз,— грустно заметил он, вызвав у меня новый удар по сердцу.

Я положил руку ему на плечо. Он улыбнулся и нежно потрепал меня по голове:

— Ничего, все мы когда-то умрём, это не страшно. Будто спишь. Жалко только, что я не смогу больше видеть всё это, вдыхать аромат, слышать песни. Эх, жалко, жалко...

Я ничего не ответил. Василий Савельич пошел ещё немного и стал готовить еду, достал из рюкзака сардельки, специальные палочки, разжёг костер. Я с удовольствием держал сардельку над костром, в воздухе разносился чудесный аромат, невольно вызывая слюнки и неукротимый аппетит. Горячая, вкусная.

— Ничего нет вкуснее, чем сосиски, пожаренные на огне на свежем воздухе,— хохотнул Василий Савельич.

Мы ели молча. Затем, когда он убрал остатки еды обратно в рюкзак, то завёл со мной необычный разговор, который я до сих пор помню слово в слово.

— Как ты думаешь, что такое красота?— спросил он, не отрывая глаз от озера.

— Это всё, что нас окружает,— ответил я.

— Всё, что нас окружает,— задумчиво повторил он.— И убийства, и смерть— это тоже красота?

Я смутился и пожал плечами.

— Нет, не волнуйся, ты прав. У каждого свои понятия о красоте. У кого-то это цветы, у кого драгоценности, деньги, дети. А знаешь, что я думаю? Я думаю, что красота— это жизнь. Нет ничего прекрасней жизни, какой бы она ни была. Это самое прекрасное и самое дорогое, будь то жизнь человека или растения. Мы все живём. Знаешь, что ещё смешно? То, что жизнь человека ценится, а жизнь растения нет. Хотя мы все заслужили это право. Каждая жизнь бесценна. Так вот что я хочу сказать: пожалуйста, когда меня не будет,

не забывай об этом. Не надо никого убивать, ни цветок, ни человека.

— Это значит, что жизнь растения дороже?

— Нет, конечно, нет, — улыбнулся он. — Мы все равны, каждый со своими особенностями и отличиями. Мы все едим, дышим, живём. Вот посмотри туда — что ты видишь?

Я посмотрел туда, куда он показывал: это был одуванчик, простой, жёлтый, который встречается повсюду.

— Одуванчик, — ответил я.

— Правильно. Видишь его уникальность? Необычную форму его бутона, чуть овальную?

Я пригляделся и заметил, что это правда, он был как бы выгнут с одной стороны.

— Восхитительно, правда? Это красота в мелочах, то, что недоступно каждому. Это чудо природы, её фантазия и творение. И это невероятно.

День прошёл великолепно. Василий Савельич показывал мне красоту в мелочах. Мы ходили медленно, и он обращал моё внимание на ту или иную вещь. Мы нашли гнездо дроздов и долго наблюдали, сначала за неокрепшими птенцами, а потом — как их кормит мать, как она нежно кладёт еду им в ротик. Я раньше никогда такого не видел. Мы наблюдали за жизнью муравьёв. Василий Савельич показывал их слаженную и единую работу, как несколько муравьёв вместе несут одну веточку или листочек. Казалось бы, обычный муравейник — что в нём особенного? Но это было поистине необыкновенно, я никогда не присматривался и не видел, как это красиво. Василий Савельич раздвигал заросли травы и показывал мне, что они скрывают. Мы нашли венерин башмачок, цветок, занесённый в Красную книгу. Он и вправду походит на башмачок, тускло-бордовый с отблеском розового.

Постепенно день клонился к вечеру, солнце стало не таким ярким и тёплым. Ветер стал более холодным и пронизывал до костей. Мы решили идти обратно. В свете заходящего солнца поле не было уже таким ярким, но оставалось золотым. Краски природы не смыть ни одним растворителем.

Мы прошли поле и зашли в лес. Василий Савельич двигался медленней, каждый шаг давался ему с трудом. От моего предложения понести его рюкзак отказался, и мне приходилось мучиться не только с неприятным ощущением в душе, но и с возникшей совестью. Вдруг он резко остановился и полез в рюкзак, суетливо шаря по карманам. Достал несколько семечек и, приложив палец губам, велел мне вести себя тихо. Осторожно и медленно подошёл к дереву и опустил руку. Я недоуменно на него смотрел, пока не заметил в нескольких шагах суслика! Тот стоял на задних лапах и беспокойно оглядывался. Шёрстка была светло-коричневая, с чёрной полоской. Заметив угощение, он стал медленно обходить руку,

подозрительно поглядывая на Василия Савельича. Потом одним прыжком очутился около его руки и, быстро схватив семечко, спрятался меж травы. Василий Савельич улыбнулся, но не двинулся с места. Через две минуты суслик показался снова и уже без промедления забрал ещё одно семечко, ускакав обратно в траву. Так продолжалось, пока не кончились семечки. Я улыбался, а Василий Савельич, отряхнув руки, встал на ноги.

— Вот воришка, боится есть при нас, убегает, — усмехнулся он, и мы пошли дальше.

— А как у вас получилась заставить его взять семечки? — спросил я.

— Я не заставлял. Просто он ещё молодой и ни разу не видел человека. Ты никогда раньше не думал, почему животные боятся человека? Почему, когда ты видишь белку, она в страхе убегает и старается забраться повыше? Она чувствует, что от человека не будет ничего хорошего, она видит в нём потенциальную угрозу, и срабатывает инстинкт самосохранения. Если бы все люди были добры, они бы привыкли, но мир, к сожалению, состоит не только из добрых людей. А если действовать аккуратно, страх пропадает, и зверёк может спокойно принять угощение.

Остаток леса мы прошли в молчании. Вернувшись обратно в деревню, Василий Савельич как-то грустно мне улыбнулся и молча показал рукой на небо. Я повернул голову и увидел закат в самом его расцвете. Небо окрасилось в нежно-розовый, словно приобрело румянец. Солнце, насыщенно-жёлтое, подобно большому шару чистого огня, наполовину скрылось за горизонтом и дарило земле последние лучи света и тепла. Голубое небо стало тусклее, потеряло насыщенность и приобрело лёгкий голубоватый цвет, будто замершее озеро. Несмотря на то, что обычно эти краски не гармонируют друг с другом, сейчас они составляли единую композицию. Последние шаги солнца и приход луны. Мы стояли долго и смотрели вдаль, пока солнце полностью не скрылось, передав пост луне.

— Вот и всё, мой последний закат, — прошептал Василий Савельич, грустно улыбаясь. Затем повернулся ко мне: — Спасибо тебе большое, внучок, за этот прекрасный день. Прощай. Помни, что я тебе говорил.

Я снова хотел возразить, но он остановил меня взмахом руки, затем нагнулся и крепко обнял. Кажется, на моих глазах выступили слёзы. Отпустив меня, он улыбнулся, в глазах проблескивали крохотные слезинки, но они сияли радостью и любовью. Василий Савельич, смеясь, потрепал меня по голове и, махнув рукой в знак прощания, пошёл домой. Я ещё долго смотрел ему вслед. Это был последний раз, когда я видел его живым.

Он умер в ту же ночь, во сне — просто остановилось сердце. Не передать словами, что я

чувствовал, во мне словно что-то погибло. Будто он ушёл и забрал частичку меня, оставив пустоту. Я много плакал. Не хотел верить, думал, что это всё розыгрыш, не мог представить, что его больше нет.

На его похоронах присутствовала вся деревня. Оплачивали их тоже вместе. Я смотрел на его спокойное бледное лицо, и в голове возникали воспоминания, его улыбка, нежные, ласковые слова, мне даже показалось, что он сейчас очнётся, придёт в себя. Но этого не случилось, он не очнулся, и его похоронили. Я несколько дней жил как в тумане. Не мог избавиться от мыслей,

каждую минуту представлял его лицо, невольно вызывая в сердце боль.

Сейчас мне тридцать лет, пустота в сердце, вызванная его смертью, заполнилась тёплыми воспоминаниями, которые всегда со мной. У меня жена и двое детей, мальчик и девочка. Я остепенился, повзрослел и поумнел, но никогда не забываю преподанные им уроки. Каждое воскресенье мы всей семьёй выходим на улицу и убираем мусор, соревнуемся, кто больше уберёт. Теперь я учу своих детей, что надо бережней относиться к природе, ведь мы тоже её дети. Пусть от нас четверых помощи немного. Но она есть!